

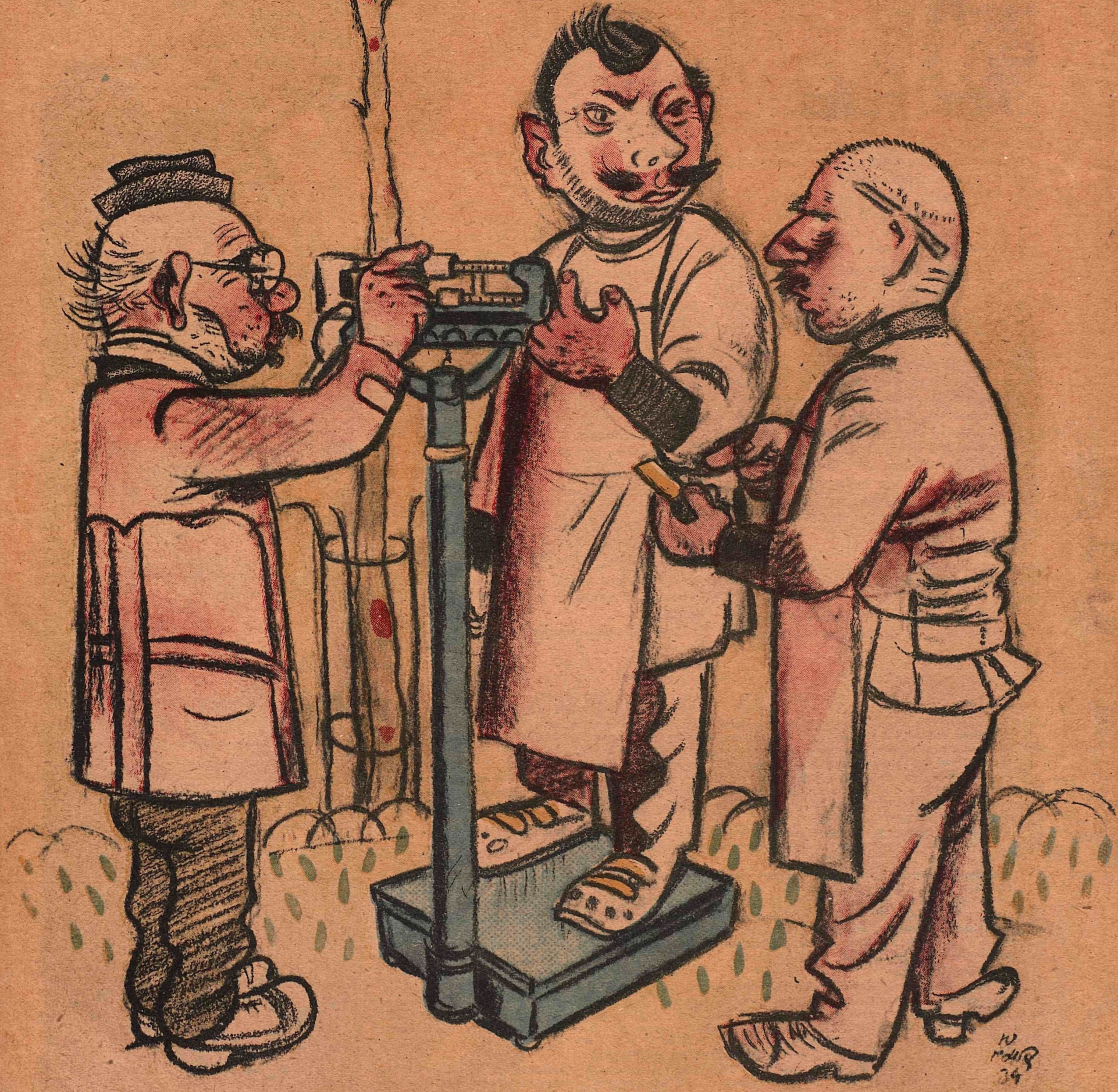
№ 556

13

КРОКОДИЛ

№ 18 МОСКВА, ИЮНЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“ 1934

Ю. Ганфа
34

МЕРЯТ НА СВОЙ АРШИН

— Показывает 67 кило. Кило на 3 обвесили. Значит, чистый вес — 64.

Рис. Ю. Ганфа

ЧТО НОВЕНЬКОГО?

В Европе стали уж понемногу забывать о прекрасном Александре Ставицком.

В Париже — жарко, млеют от жары следователи и свидетели, а все же приходится толковать о делах и возвращаться к делу прекрасного Александра. Вот, например, следователь допрашивает по этому неприятному делу писателя Жоржа Кессель, и Кессель сообщает:

— Ставицкий иногда казался мне сумасшедшим.

— Почему же? — интересуется следователь.

— Он говорил: «Я всемогущ. Я могу переродить Европу».

«А в самом деле, — думают оба, — а почему бы нет», — и тут же господину Кессель становится неловко. За что, собственно, он обозвал милого Александра сумасшедшим? Человек такого размаха... Разве Муссолини не сказал: «Лучше один день жить, как лев, чем сто лет, как баран?» Жил человек, как лев, а мы...

И тут взгляды писателя и следователя падают на газету, и они читают:

«Прошлою ночью неизвестные шутники прикрепили на углу улицы Мадам, где в 1926 году был арестован Ставицкий, табличку с надписью:

«Улица Ставицкого (1866—1934)».

Так переименовали улицу в честь Ставицкого.

А говорят «сумасшедший!»

Все же есть некоторая разница во взглядах между желтым социалистом и черносотенцем во Франции. Если серьезно изучить вопрос, то, пожалуй, найдутся некоторые разногласия между «социалистом» Леоном Блюм и монархистом Леоном Додэ. Леону Додэ требуется король, Леону Блюм не плохо и при буржуазной республике. Но есть и глубоко принципиальные точки соприкосновения между монархистом и социал-демократом.

Господин Леон Додэ (монархист) посетил ресторан «Шатонэф дю Пап» и оставил в книге посетителей следующую надпись:

«Прекрасная еда, отличная во всех отношениях, в особенности ваячий па-

штет. Возможно только одно суждение: очень хорошо! Превосходно!

Рекомендую раки. Чудесное вино — Шато де ла Норт.

ЛЕОН ДОДЭ. Сентябрь 1932».

Любящий хорошо покушать Леон Блюм делает чуть ниже следующую надпись:

«Я вполне согласен с Леоном Додэ (смотрите выше). Восхищаюсь... подавлен, но вернусь снова.

ЛЕОН БЛЮМ (14 июля 1933)».

Через 145 лет после взятия Бастилии французским народом (взятие Бастилии — 14 июля 1789 года. См. учебник истории) роялист-монархист нежно объединился на базе заячьего паштета с «социалистом»-республиканцем в ресторане под названием «Шатонэф дю Пап». Мир ихнему праху.

Драчуны помирились.

Десять лет длилась митрополичья драка между митрополитом Евлогием и митрополитом Антонием, пастырями зарубежного православия. Больше десяти лет владыки поносили друг друга площадной бранью во искушение возлюбленной паствы.

Ныне, сообщает парижское «Возрождение», владыка митрополит Антоний и владыка митрополит Евлогий «вошли в молитвенное общение», то-есть, попросту говоря, помолились друг о друге.

До сих пор они тоже утруждали небеса молитвами, желая друг другу лютой смерти. Теперь владыки повстречались, кажется, в Париже, и один, прослезившись, сказал другому:

«И подумать только, что нас разединяло, владыко!..»

Происходило это, вероятно, как у Гоголя в «Ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем». Паства подталкивала владык друг к другу, и высокопреосвященный Евлогий урчал:

«Да, помилуй бог, Иван Никифорович...»

Но роковое слово «гусак» не было произнесено, и владыки «вошли в молитвенное общение».

Поздравляем родных и знакомых.

ВЕРНАЯ СИСТЕМА

Введение анекдота в экономику в качестве руководящего начала знаменует собой одно из двух: или безвыходное положение анекдота или беспомощное состояние экономики.

Оставим на время экономику и перейдем непосредственно к анекдоту.

В фашистской газете «Дер Ангрифф» на-днях опубликован закон об оплате безработной молодежи, отправляемой в деревню на полевые работы. По этому закону оплата производится соответственно годам работающих: молодой человек 20 лет получает 20 марок, подросток 13 лет — тринадцать марок, юноша 17 лет — семнадцать...

Мы вполне понимаем солидные размеры экономики, достигаемые таким способом оплаты, но осмелимся рекомендовать еще несколько более эффективных приемов.

ПРИЕМ А.

Дифференциальное исчисление зарплаты при помощи ближайших предков.

Производится он так.

— Ганс Шпанц! Сколько лет вашей бабушке? 84? Хорошо. Сколько у вас родителей? Двое? Прекрасно. Делим одну бабушку на двух родителей, получаем в итоге 42. Были ли у вас дяди? Шесть дядей? Чудесно. Один дядя, плюс один дядя, плюс еще один... Делим 42 на шесть дядей, имеем в результате 7. Тетки были? Четыре тети? Изумительно. Семь минус четыре тети получается три. Имеем три марки в месяц. Следующий!

ПРИЕМ Б.

— Карл Миллер! Приказом по району объявляетесь двухлетним. Что? Усы растут? Разрешение на рост усов имеете? Нет? Немедленно прекратить безобразие. Двухлетний ариец не имеет права носить бороды и усов. Кому двадцать один год — вам? Так, так... Значит вы лучше знаете, чем начальство, сколько вам лет? Значит вы все, а начальство ничего?.. Запишем... Что? Не протестуете против возраста? Так бы и говорили. Следующий!

И, НАКОНЕЦ, ПРИЕМ В — самый неожиданный, но действенный.

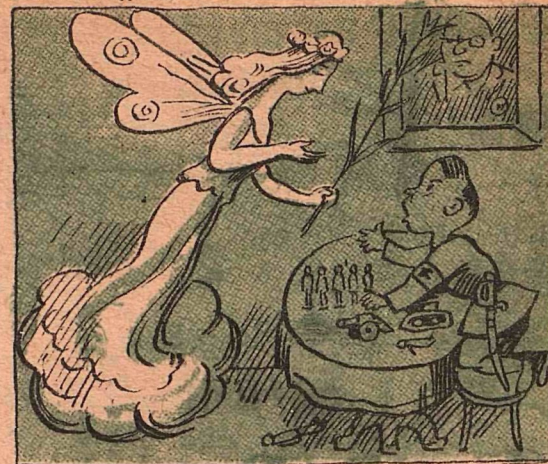
— Что? Безработная молодежь пришла за зарплатой? Сколько их? Одиннадцать человек? Сколько им лет? Двести четыре? Двух столетних откиньте, как переростков, а четырехлетнему заплатите четыре марки... Государство не может расшвыривать деньги...

Думаем, что если от всех предлагаемых нами приемов фашистская экономика и не выиграет, то тупой и злобный анекдот во всяком случае сделается веселее.

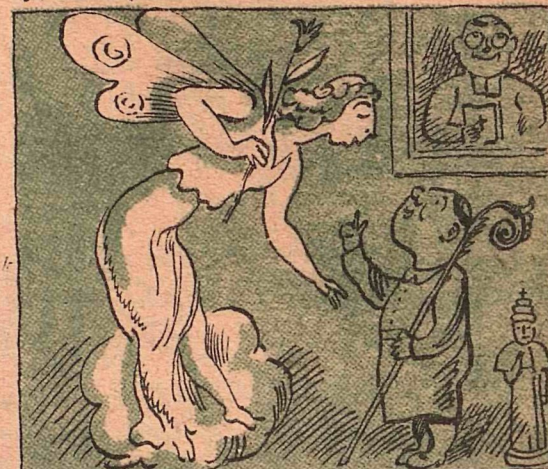
МАГИСТР ФИКС

НЕМЕЦКАЯ ФЕЯ И ТУЗЕМНЫЕ МАЛЬЧИКИ

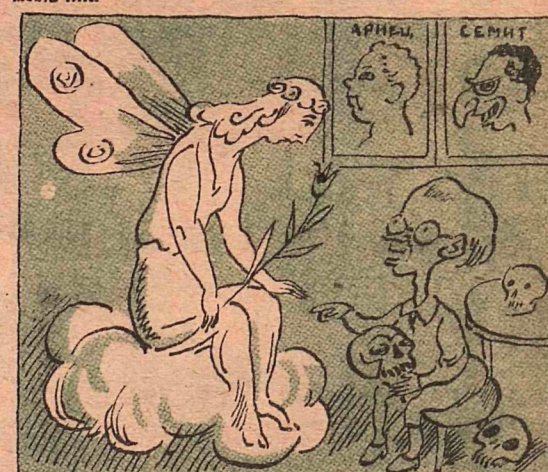
Рис. А. Радакова

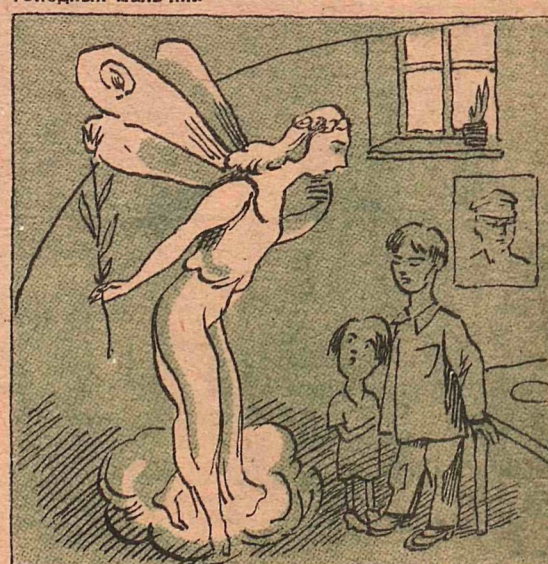
— Нем бы ты хотел быть, мальчик, — спросила добрая фея сына генерала, — если бы твой отец был Адольфом Розенбергом?
— Начальником «Стального шлема»! — отвечал туповатый ребенок.

— Если бы твой отец был Адольфом Розенбергом, — спросила добрая фея сына фабриканта, — кем бы ты хотел быть, дитя?
— По крайней мере, Круппом, — охотно ответил мальчик.

— А ты? — спросила фея сына буржуазного ученого.
— Владельцем ресторана, милая фея, — ответил голый мальчик.

И только в рабочей семье добрая фея получила толковый и дельный ответ.
— Нем бы ты хотел быть, — издаലെка начала добрая фея, — если бы твой отец был Адольфом Розенбергом?
Мальчик подумал и охотно ответил:
— Сиротой!

Я протестую. Меня заставляют обманывать. А я хочу быть честным человеком, — это моя фамильная черта.

Недавно был такой сожаления достойный случай. Отдыхал я в Кисловодске. В это время в курзале был закрытый вечер — конкурс на лучшее исполнение лезгинки. Вход — по специальным пригласительным билетам.

Пригласили и меня. Пригласили — надо прямо сказать — не для того, чтоб я исполнял лезгинку. А так просто — посидеть в публике, посмотреть. И, если понравится, выразить аплодисментами свое восхищение гибкими станами и ловкостью танцоров.

Пошел. Пришел. У дверей курзала — солидный человек в пенсне на черной тесемочке проверяет билеты. Хорошо.

С независимым видом пред'являю. Но замечаю, что солидный человек в пенсне на черной тесемочке взирает на меня с презрением.

— Нельзя. По такому билету не пропущу. Нужна круглая печать.

Секунды две отчаянья. Как тут быть? Страсть, как хочется попасть на вечер... Вдруг вспыхивает, обжигая меня, коварная мысль.

— Виноват, — говорю я. — Показал я не ту бумажку. Вот другая...

Из бокового кармана пиджака вытаскиваю бумажку с печатями. Показываю. Мне вежливо улыбаются, и я, гордый, захожу в курзал.

Сел я и взгрустнул. Ведь обманул я солидного человека в пенсне на черной тесемочке. Я ему показал, простите, анализ, полученный сегодня утром в кисловодской поликлинике. Там сказано о количестве лейкоцитов в поле зрения, что, конечно, ничего общего с лезгинкой не имеет. Но зато к лейкоцитам приложена круглая печать.

Я хотел честно пройти на вечер, но не пришлось. Пришлось прибегнуть к способу, который автор в порядке самокритики считает недопустимым.

А между тем, сколько людей, ничего в поле зрения не имеющих, кроме лейкоцитов, и вообще ничем выдающимся, кроме повышенной кислотности, не обладающих, добиваются и получают всяческие блага только потому, что им удалось заполучить бумажку с приложением печати.

Такая бумажка имеет огромную силу. Опустим рассуждения на этот счет и приступим прямо к фактам.

У меня есть сын Вова. Пришло ему время учиться. Школа — недалеко от моей квартиры, на улице имени Маркса и Энгельса. Пошел я в школу справиться о формальностях.

Заведующий школой говорит:

— Принесите справку по месту службы, справку из домоуправления, метрическое свидетельство.

Через несколько дней принес я в школу все эти документы. Мне говорят:

— Возьмите их обратно. Нехватает справок о прививке оспы ребенку, о вашей заработной плате и о том, что ваш мальчик не болен туберкулезом. Без этого ваш сын никак не может поступить в школу.

Через несколько дней принес я и эти документы. Мне говорят:

— Возьмите их обратно. Принесите потом все документы вместе.

— Какие еще документы?

— Видите ли, ваш дом фасадом выходит на такую-то улицу. А эта улица теперь не в нашем районе. Нужно письменное разрешение из райОНО о принятии вашего сына в нашу школу. Без этого нельзя.

Честно говорю вам, товарищи, в райОНО я не пошел. Надоело. Все собранные справки запер в ящик письменного стола. И лежат они у меня там вот уже свыше трех лет.

А Вова? А учеба?

Все благополучно. В первых числах сентября повел я Вову в школу, не взяв с собой ни одной справки. Поставил я мальчика у дверей первой группы и сказал ему:

— Когда позовут всех, войди, выбери место и садись.

Это было три года назад. Вову (этого обездоленного мальчика, который не имел ни одного документа!) в тот же день вызвали к доске. Так он и начал свою учебу.

В этом году он уже перешел в четвертый класс. И до сих пор ни у него ни у меня никто не спрашивал никаких документов, никаких справок...

Оказывается, можно обойтись без многих и многих бумажек. Но не всегда. Сейчас докажу.

Сознаюсь: живу я этим летом на даче. Решил взять сезонный билет. Прихожу на вокзал. Говорят:

— Нужна справка из учреждения, где вы работаете, и фотографическая карточка.

Принес на завтра справку и карточку. Говорят:

— Не годится. Нужно удостоверить с приложением печати на карточке, что это именно вы засняты, а не другой.

— Посмотрите на меня, — говорю я, — и посмотрите на карточку. Сразу можете убедиться...

Мне не дали закончить.

— Так нельзя. Следующий!..

Из старой «Нивы» я вырезал портрет адмирала Макарова, одного из участников русско-японской войны. Седая борода. Лихо закрученные усы. Мундир с эполетами, со звездами и крестами.

Наклеил адмирала на тонкий картон. Написал на обороте: «Пред'явитель сего есть действительно адмирал Макаров» и приложил к сему вместо печати обмазанный чернилами древний пятак.

Сам я — без бороды и без усов, и без мундира, и без эполет, и без других знаков отличия. Тем не менее, мне при пред'явлении карточки адмирала Макарова выдали сезонный билет.

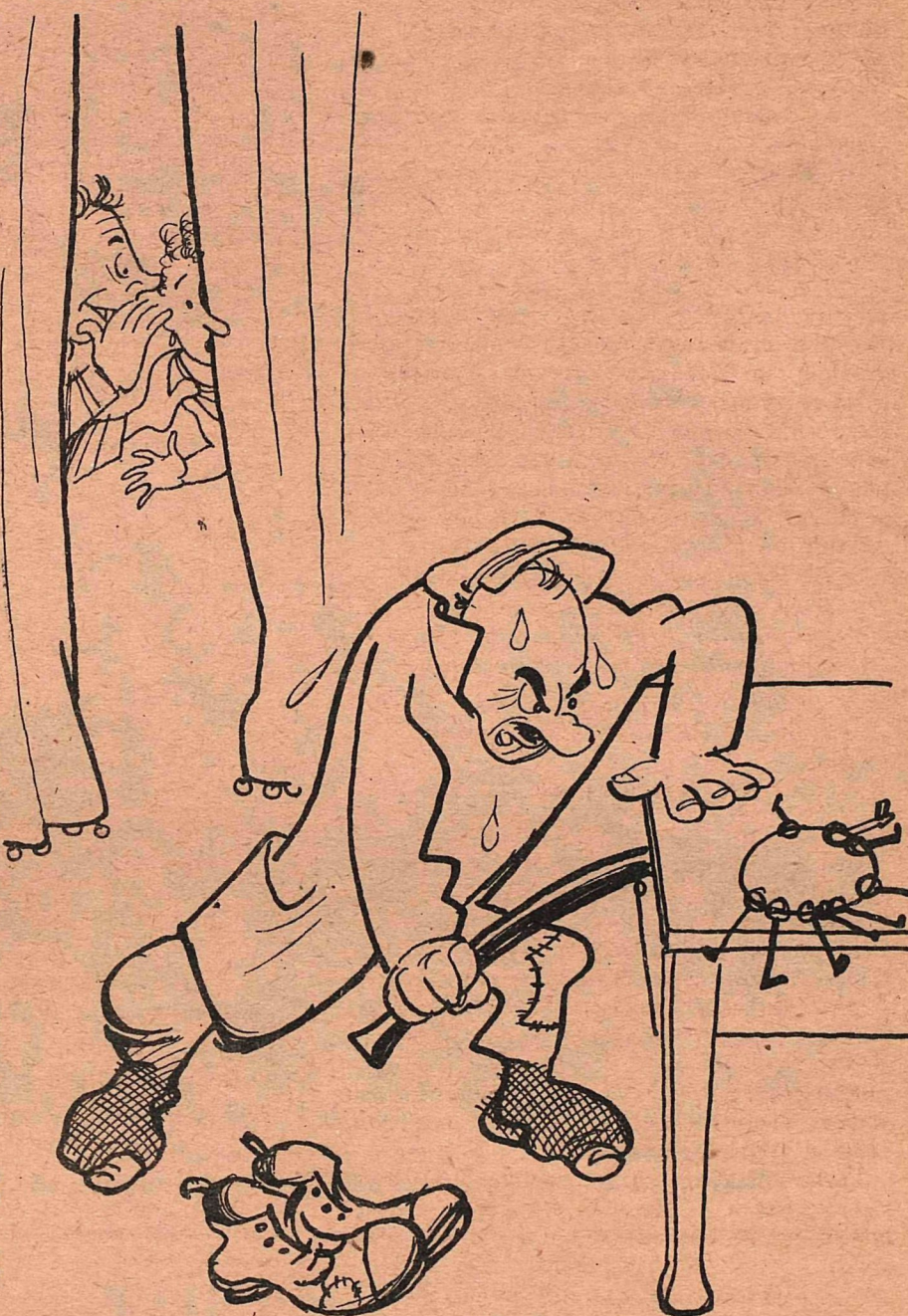
Раз'езжаю я с адмиралом Макаровым. Жду, что какой-нибудь бдительный контролер оштрафует меня.

Не штрафуют. Потому что — с приложением печати.

Г. РЫКЛИН

Потребители жалуются что в столах, выпускаемых Мосдревом, невозможно открыть ящики.

Рис. К. Ротова

— Тсс!.. Не пугай вора: может быть, хоть он откроет нам стол!..

У НАС ВО ДВОРЕ

Красавицей и модницей
В жакетке шерстяной —
Домашнею работницей
Пленился я одной.

Пойду в распределитель,
Скажу, что я влюблен.
Мне счастья отпустите
На розовый талон.

Товарищи, скажу я,
Чтоб без очередей
Десяток поцелуев
Мне был, как у людей.

Скажу я так сурово
Об этом потому,
Что сорта никакого
Второго не возьму.

Что, как угодно, драться я,
Товарищи, готов
За в корне ликвидацию
Пониженных сортов...

Сиреневую веткой
Махая на меня,
Сидит в цветной жакетке
Красавица моя.

Но все же кто же именно —
Об этом ни гу-гу.
Назвать ее по имени,
Простите, не могу.

А может, и не надо,
(Я тем и знаменит).
Вечерняя прохлада
Мне струны серебрит.

А дальше, разумеется,
Мечтай — кому не лень.
У каждой ведь имеется
Жакетка и сирень.

И каждой пусть представится
В домашней тишине:
„Ведь это я красавица
Ведь это обо мне“.

ВЕРА ИНБЕР

Рис. А. Топикова

— Вот придет бука и спрячет тебя в мешок!
— Знаю я вашу льно-пенько-джутовую промышленность! Мешок прорвется, и я из него выпаду!

О ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИИ НА ДЕТЕЙ

Гражданину Косте восемь лет. Беспартийный. Судимости не имеет. Проживает в Киеве. Общественная нагрузка: председатель классного совета.

В качестве такового обязан следить, чтобы ребята не шалили во время уроков.

— Ну, хорошо, Костя,—спросили его на-днях,—а что ты делаешь, если они все-таки шалят?

Председатель Костя немного подумал и в порядке полной добросовестности ответил:

— Тогда я плачу, и они перестают.

Не только на одни Костины плечи легла ответственная общественная нагрузка. Его одноклассница Варя оказалась в еще более затруднительном положении.

— А ты кто, девочка?—спросили ее следователи двадцать первой киевской девятилетки.

Варя посмотрела на них испуганным взглядом и доверчиво сказала:

— Я—сектор.

— Какой сектор?

— А я не знаю. Это учительница знает.

Обследователи миновали учительницу и перешли к новому юному гражданину. Это уже был девятилетний мужчина совершенно иной формации. Закоренелый классовый враг. Титан классово враждебных вылазок. И резко выявленный контрреволюционер.

Без преступной гордости, а с тихим раскаянием он так и аттестовал себя.

— А что ты наделал контрреволюционного?—осторожно спросили следователи.

— Да уж сделал,—вздыхнул титан,—два зуба вырвал. Собственной рукой.

— У кого? У товарища?

— У скелета вырвал. Нечаянно. Потрогал их рукой, а они и выпали.

— А почему же ты думаешь, что—это контрреволюция?

— Не я думаю. Мне сказали.

— А что же такое, по-твоему, контрреволюция?

— Не знаю,—еще раз вздохнул титан классово враждебных вылазок,—это Володька знает.

Володька оказался подкованным доотказа. Он бойко шмыгул носом и отчеканил:

— Контрреволюция—это, которая везде. В трамваях, например.

— А что она делает в трамваях?

— Переодетая ездит и ребят пугает.

Обследователи срочно объявили перерыв и пошли пить чай. Пили чай молча и угнетенно размачивали в нем сухарики.

Конечно каждый факт можно локализовать или даже считать недействительным. Как один провинциальный брендмейстер постановил всякий непотушенный пожар считать несостоявшимся и иногородним. Можно все свести к частному случаю в двадцать первой киевской девятилетке и успокоиться.

Мы против этого и просим граждан оптимистов временно отойти в сторону, не вертеться под ногами и не мешать правильному освещению событий.

Восьмилетние секторы и девятилетние председатели очень хороши для специальных умиленных рассказов, уже не принимаемых ни одним рассеянным редактором. О том, как восьмилетний сектор пришел домой с незаконченной резолюцией и свежими цитатами по торфоразработкам, увидел дедушку-алкоголика, покачал головой, и дедушка стал пить только липовый напиток, перековываться на снайпера и сразу верить во все страницы учебника политграмоты.

В жизни голубоглазые секторы и вихрастые председатели совсем другие. Они хотят не только перековывать дедушек-алкоголиков. Они любят играть со скакалкой, а не только запоминать глубины санминимума. Они хотят пускать бумажные змеи, даже не будучи в президиуме классного совета. И главное—имеют на это полное право. И могут вырасти хорошими советскими гражданами, не считая вытаскивание зубов у скелета контрреволюцией. Важно воспитать ребенка, играя с ним, а не фабрикуя находку из него стандартный образец замороженного секретаря райсовета в дни тройной кампанейской мобилизации. Этого не учили не только в двадцать первой киевской девятилетке, но и в сотнях других девятилеток, где цветы жизни сохраняются исключительно в засушенном виде.

Знаете что, товарищи, попробуем переквалифицировать восьмилетних секторов и девятилетних председателей на детей. Это так легко и так будет радостно для всех,—стоит ли медлить с этим делом?

Арк. БУХОВ

СКОЛЬКО УГОДНО ПАРОХОДОВ

Слух о том, что я не могу выбраться из Праги, распространился по городу. Чехи мне искренне сочувствовали: глядя на меня, они размышляли о международной политике и о своей никак не великопейной изоляции. Они думали прежде, что их государство находится в центре Европы. Оказалось, что они живут на пловучей льдине. Незнакомые люди подходили ко мне со словами соболезнования. Я спрашивал швейцара гостиницы, нет ли чего-нибудь для меня? Швейцар сокрушенно отвечал:

— Ничего для вас нет, пан списователь.

(Он никак не хотел меня обидеть: «списователь» по-чешски означает писатель). Швейцар думал, что я справляюсь о визах. На самом деле я опасался, как бы один из неведомых плакальщиков не прислал мне надгробного венка.

Шли дни. Я попрежнему пил кофе «со шляпачкой» и старался не думать о будущем.

Меня не обходили советами, при чем выяснилось, что никто не знает, как скроена послевоенная Европа. Один приятель предлагал мне поехать через Пирей. Другой уверял, что скорей всего поехать на Ленинград. Третий всерьез доказывал, что можно проникнуть из Чехословакии прямо в Швейцарию или, на худой конец, в некий Лихтенштейн. Сначала я пробовал спорить. В двадцати каварнях я давал уроки географии. Потом я устал и на все советы отвечал безразлично:

— Спасибо, Обязательно поеду. Через Пирей. Через Лихтенштейн. Через Владивосток.

Один из советов мне показался разумным: почему бы не доехать до Гдыни, а оттуда пароходом махнуть в Бельгию или во Францию? Я направился к представителю польского пароходства. Это был молодой и жизнерадостный мужчина. Он показал мне на стены, залепленные обворожительными плакатами, и быстро затараторил:

— Гдыня—роскошный порт! Огромный порт! Последнее слово техники! Из Гдыни можно уехать куда угодно. Не только в Бельгию, но даже в Америку. В Нью-Йорк. В Буэнос-Айрес. В Либаву.

Я быстро поддаюсь чужим восторгам. Я начал взволнованно шагать по комнате и умиляться перед плакатами.

— Как хорошо, что я попал именно к вам! Ну и порт! Что за порт! Какое пароходное общество! А какой представитель! Я, наверное, когда-нибудь поеду из Гдыни в Буэнос-Айрес. Но пока что мне необходимо попасть в Антверпен.

Молодой человек пренебрежительно поглядел на меня: стоит ли много разговаривать о таких пустяках!

— В Антверпен сколько угодно пароходов. По средам. По пятницам. Выбирайте.

Сказав это, он отвернулся и начал уныло сморкаться. Страшное подозрение овладело мною. Я поглядел на него в упор и сказал:

— Я выбираю среду. Когда отходит пароход? Утром? Вечером?

Он ответил мне раздраженно:

— Сначала надо выяснить вопрос о дате...

— Но вы ведь мне сказали: по средам...

Молодой человек не стал спорить. Он просто умолк. Я вдруг увидел, что он не жизнерадостен да и не молод: глубокие морщины бороздили его лицо. Он помолчал с минуту, а потом встал. Я тоже встал. Мы молча простились. А на стенах сотни нарисованных пароходов весело гудели, снимаясь с якоря.

Швейцар поглядел на меня и сказал:

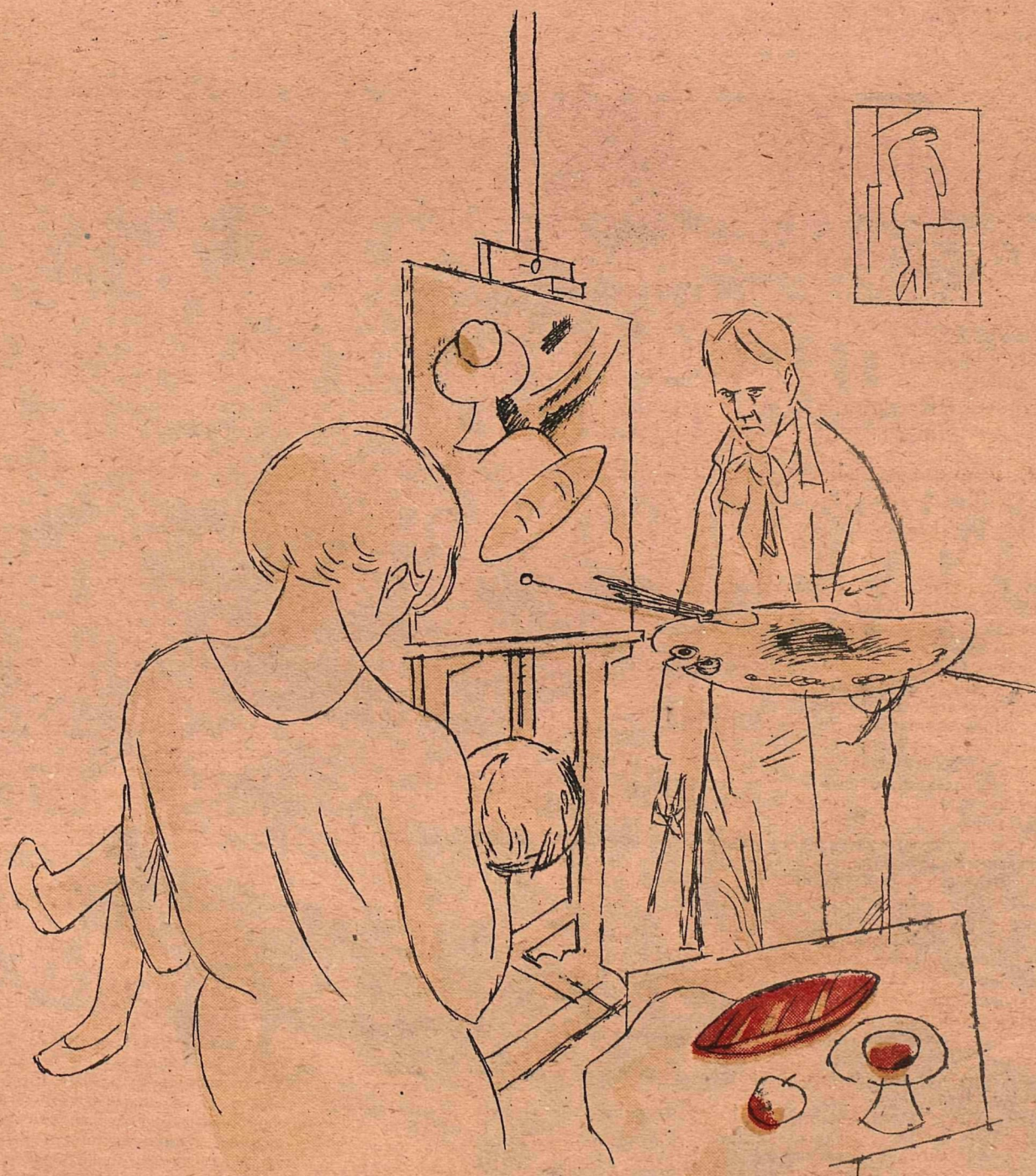
— Пан списователь, наверное, у нас еще поживет...

Я послал в Гдыню телеграмму: имеются ли пароходы на Бельгию или на Францию? Мне ответили бодро, назвав сразу четыре парохода. Я послал вторую телеграмму с просьбой задержать место на ближайшем. Тогда телеграфный бланк сразу помрачнел, как лицо пароходного агента. Оказалось, что один пароход идет не в Антверпен, но в Гельсингфорс, дружкой идет действительно в Антверпен, но не берет пассажиров, третью застрял в доках для починки, а четвертого вообще не существует.

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

Рис. Л. Бродаты

ЖЕНА НЕМЕЦКОГО ХУДОЖНИКА: — Милый, кончай скорей картину: кушать хочется, а другой булки нет в доме...

НАГЛЯДНЫЙ ОБРАЗЕЦ

Пусть читатель не ищет какой-нибудь насмешки или необдуманного сатирического укола в помещаемых ниже строках или какой-нибудь вольности пера. Нами руководит только одно достойное похвалы желание: по произведению японского романиста Киосукэ Фуканага „Записки о будущей японо-американской войне“ дать показательный образец милитаристического романа — одного из тех, которые сейчас появляются в печати и переводятся на разные языки. Вот и все.

„НЕГОДАЙ ДРЕДНОУТ И АВИОМАТКА-МСТИТЕЛЬНИЦА“

Глава XI.

„ЧУДО НА ВАТЕРЛИНИИ“

«Уже вторые сутки, как была объявлена война, а из семнадцати американских эскадр было потоплено всего двадцать три. Небо хмурилось.

Предстоял решительный бой. К берегам Формозы приближался американский флот в составе ста шестидесяти сверхдредноутов, двухсот тридцати полудредноутов и нескольких тысяч почти дредноутов. Дно Тихого океана было занято американскими подлодками, вытеснившими оттуда рыб, водоросли и даже безобидных ракушек. Вместо неба сверху висели американские аэропланы, сквозь которые изредка проглядывали солнце, луна и мелкие звезды.

Положение было почти угрожающим. С японской стороны (Примеч. военного редактора романа: Вот что наделала преступная экономия в средствах на морские вооружения!) навстречу этой бронированной стихии шли в бой один крейсер, половина канонерской лодки и гребная шлюпка с двумя минами и шестью самураями, переодетыми инкогнито в грубую матросскую форму. Но и сквозь матросские рубашки простодушинов пробивались их благородные черты лиц, и даже на простой шлюпке горели непобедимой отвагой благородные глаза.

— Победим ли мы? — тихо спросил самурай Фурамота, ласково посмотрев на мину.

— Да, — сдержанно ответила мина, готовая взорваться по зову предков.

И действительно, бог был на стороне стойкой японской эскадры. Дождь мешал американским подлодкам двигаться под волнами. Солнце не позволяло дредноутам разводиться парами, а луна и мелкие звезды делали американские аэропланы почти не боеспособными. Небо улыбалось. (Прим. военного редактора романа: Вот до чего может довести страну грязная экономия на воздушных вооружениях!).

— Начнем, пожалуй! — тихо сказал Фурамота, заряжая пистолет, и выстрелил. Головной дредноут американцев «Луизиана», не сказав ни слова, пошел ко дну, вместе с семью лучшими адмиралами.

Японский крейсер «Фузияма» воспользовался этим замешательством американского командования и открыл пулеметный огонь.

— Мы гибнем! — схватился за голову командир американского броненосца «Замбези». — Вызовите на скорую руку еще два запасных флота на помощь! К нам приближается шлюпка врага!

Но было уже поздно. Изящным барсом Фурамота вспрыгнул из шлюпки на орудийную башню броненосца и сказал командиру через переводчика учтивым тоном:

— Сдавайтесь. Вы окружены!

— Ничего не поделаешь, — вздохнул командир, сдавая по списку аэропланы, подлодки и сверхдредноуты. — Ваша кровь благороднее! А что прикажете делать с авиоматкой?

— Заверните, — благородным голосом сказал Фурамота и поплыл дальше.

Небо ликovalo. Шлюпка с шестью самураями вела на канате побежденный флот.

— Гребите, друзья, сильнее! — приказал Фурамота, помолившись предкам. — Нам еще нужно успеть к вечеру разбить парочку эскадр! (Примеч. военного редактора романа: Вот что наделала подлая экономия в средствах на дальнбойные орудия!).

— Фу! — укоризненно заметил рулевой самурай, — грести! Мы можем побеждать, но не грести! Это должны делать простые матросы низкого звания!

И ловким движением сделав себе харакири, он почти перестал грести.

Но было уже поздно. Повинуясь зову предков, лодка шла сама собой без остановок. Мелкая звезда показывала ей дорогу к восходящему солнцу. (Примеч. военного редактора романа: Вот до чего доводит страну преступная экономия на строительстве морских баз!).

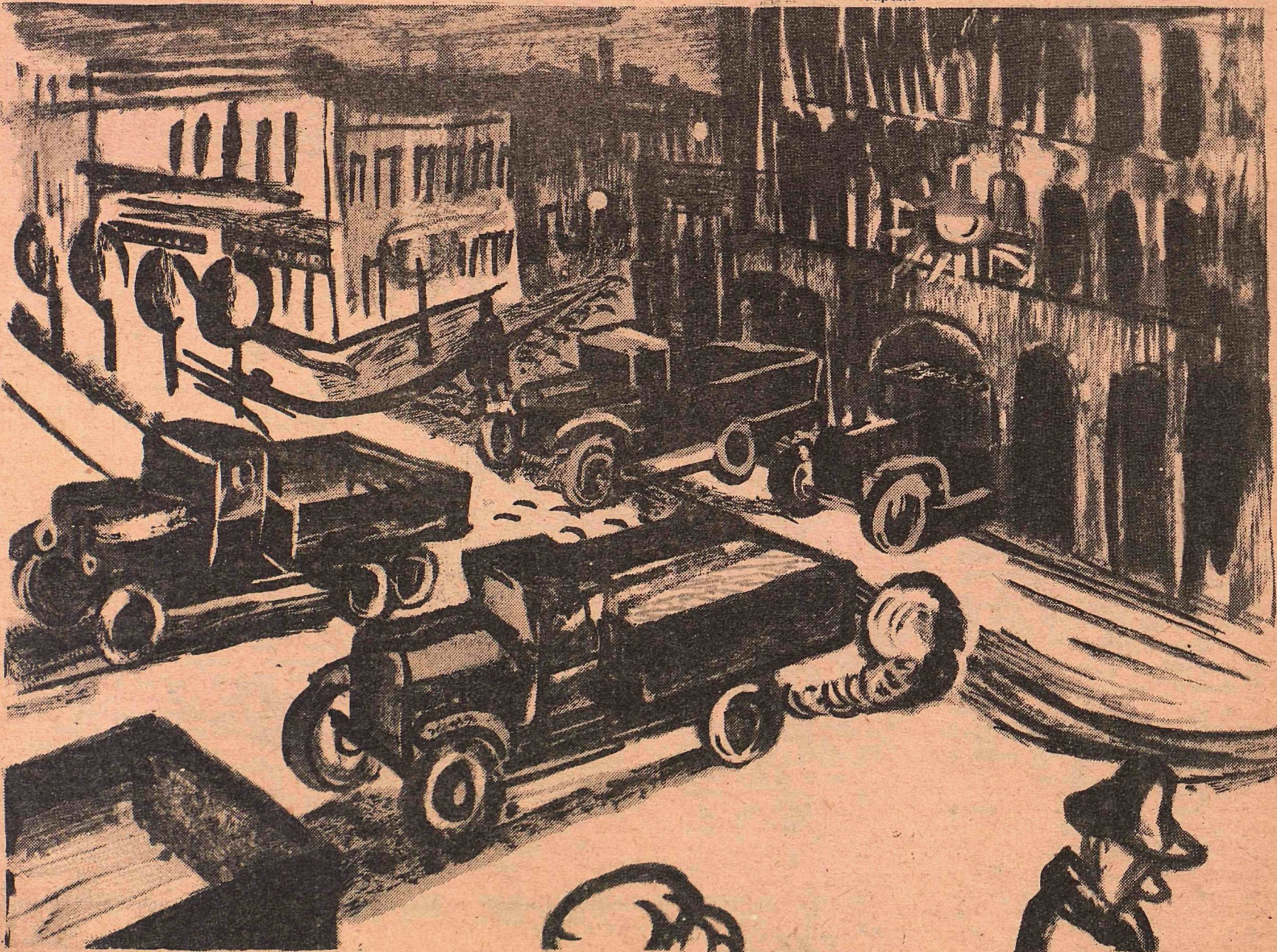
Небо радостно смеялось. Война приближалась к концу».

А ПОЛУЗАЙЦЕВ

ВЕНСКИЙ ШИК

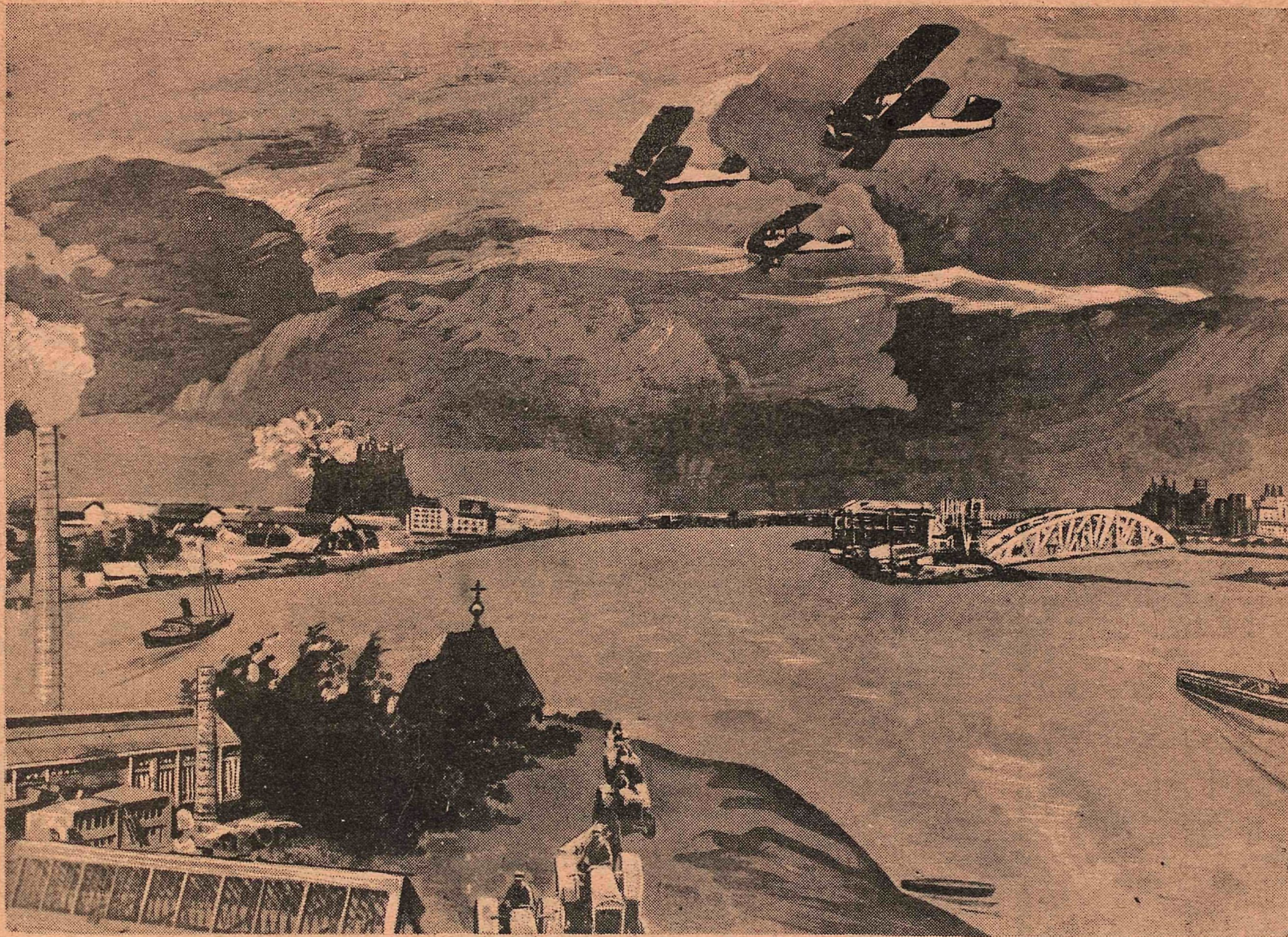
Рис. Л. Бродаты

Один из лучших венских театров „Новая венская сцена“ прогорел и превращен в автомобильный гараж.

Раз'езд из венского театра

Фотомонтаж Б. Клинка

Над „Вечным покоем“ худ. Левитана. Картина исправлена по последним газетным сводкам.

ШУТОЧКА

— Скучно... Сегодня промфинплан, завтра промфинплан, послезавтра промфинплан,— когда же для души? Где ответ на настоящие запросы интеллекта?

— Берут веселого человека и говорят ему: будь директором ремонтно-тракторного завода... И куда подумайте только посылают директорствовать? В Липецк... Лип-ецк! Брр...

— Выдумали какие-то графики, нормы и станки «квик-вей» и говорят: возись с ними. А между тем, по душе своей ты, может быть,— поэт. Или планерист. Или боксер.

Так плакали друг другу в жилетки два пассажира скорого поезда, два липецких мечтателя: Исаков и Либерман. Один—директор завода, другой—инженер. Поезд вез их в Москву на очередное объяснение причин невыполнения плана. «Поэты» закусывали.

И вот тут-то после сытой закуски родился тот замечательный план коренной перестройки директорских скучных будней, который, как увидим ниже, так мило был встречен всей верхушкой завода.

Исаков и Либерман решили «разыграть» молодого заводского техника Стеганцева— вот и весь план. Но разыграть умно и с толком.

Вернувшись из Москвы, директор вызвал к себе Стеганцева и сообщил ему следующую приятнейшую новость:

— Вы просили меня узнать в столице, сколько стоит «баян». Я узнал это, но труд оказался напрасным: вы премированы Наркомземом как лучший ударник нашего завода первосортным «баяном». Товарищ Либерман, приказ Наркомзема при вас?

Либерман деловито:

— Я вручил его Козловцеву—уполномоченному треста. Затребовать?

Стеганцев смущенно улыбнулся:

— Зачем... Какая разница... Спасибо...

Через час весть о премировании Стеганцева облетела весь завод. Техники поздравляли в конторе, в цехах, в столовке, на заводском дворе. Все жали руки, все истинно рады были за Стеганцева, ибо он действительно заслуживал всяческой похвалы за честную работу. Бывший воспитанник детского дома, затем рабочий, затем монтер—Стеганцев добился упорным трудом высокой квалификации и заслуженно получил командировку в вуз. Вернувшись на завод, он опять стал в первые ряды лучших ударников. Что касается подарка, то на заводе было известно, что Стеганцев давно мечтает о «баяне».

В тот радостный день, когда Исаков и Либерман вызвали к себе Стеганцева для сообщения ему радостной вести, в тот же день вечером прошло на заводе совещание по премированию лучших ударников. На совещании кто-то вполне резонно предложил, и Стеганцев первый согласился с этим, чтобы причитавшуюся Стеганцеву премию дать какому-либо другому ударнику. Техник Стеганцев премирован и без того, да еще самим Наркомземом!

Словом, 29 апреля главный бухгалтер завода Глухов, встретив Стеганцева, весь сияя, известил его, что повестка на посылку из Москвы получена, наконец. Повестка у него, у Глухова. Он немедленно отправит на станцию нарочного.

А 30 апреля утром прибежал к Стеганцеву в цех экспедитор завода Гудков с криком: «Скорей в контору. Привезли посылку».

Стеганцев прибегает в контору. На столе ящик, оббитый железом. Служащие вокруг. Кто-то прищипнул молоток и клещи.

Вскрывают ящик и вдруг: в нем два кирпича, стружка и бумажная детская рублевая гармошка...

Стеганцев не догадывается еще о злой шутке. Он бежит к директору. Тот нисколько не смущен: «игра продолжается». Блестяще продолжают играть роль Либерман, помощник директора Решетов и др. представители «высшей» администрации.

— Железная дорога виновата. Надо составить акт. Безобразию на транспорте надо положить конец...

Акт подписывают Исаков, Решетов, Либерман и, конечно, Стеганцев.

А на заводском складе хохот. Заведующий складом Толстых, красный и потный от неудержимого смеха, рассказывает прибывшим конторским работникам, как ловко обработали техника-выскачку. Как утром они на складе же сколотили посылку, как писали адрес, как ставили клеймо, как нарочно грузили посылку на станцию, как привезли ее назад, чтобы создать видимость настоящей посылки, и как сам главный бухгалтер Глухов пожертвовал для розыгрыша собственную детскую гармошку...

...Стеганцев покидает завод. Уходит лучший работник. Винить его за это? Пожалуй, не следует. Трудно ему сейчас работать на заводе, когда вместо «здравствуй» он ежедневно слышит пятьдесят раз: «сыграй на «баяне». Да и по сути дела обидно: вместо заслуженной премии—издевка.

Но что Стеганцев уходит—неважно. Хуже, что директору опять становится скучно. А могло быть по меньшей мере еще полгода весело.

— Дурак Толстый!—ругается Исаков.—Чувства юмора в человеке нет. Разболтал! Го-го... Го-го... А подождал бы немного, конфетку сделать можно было бы из акта. В НКПС заставили бы его с'ездить!

— Действительно обидно...—вторит Либерман.

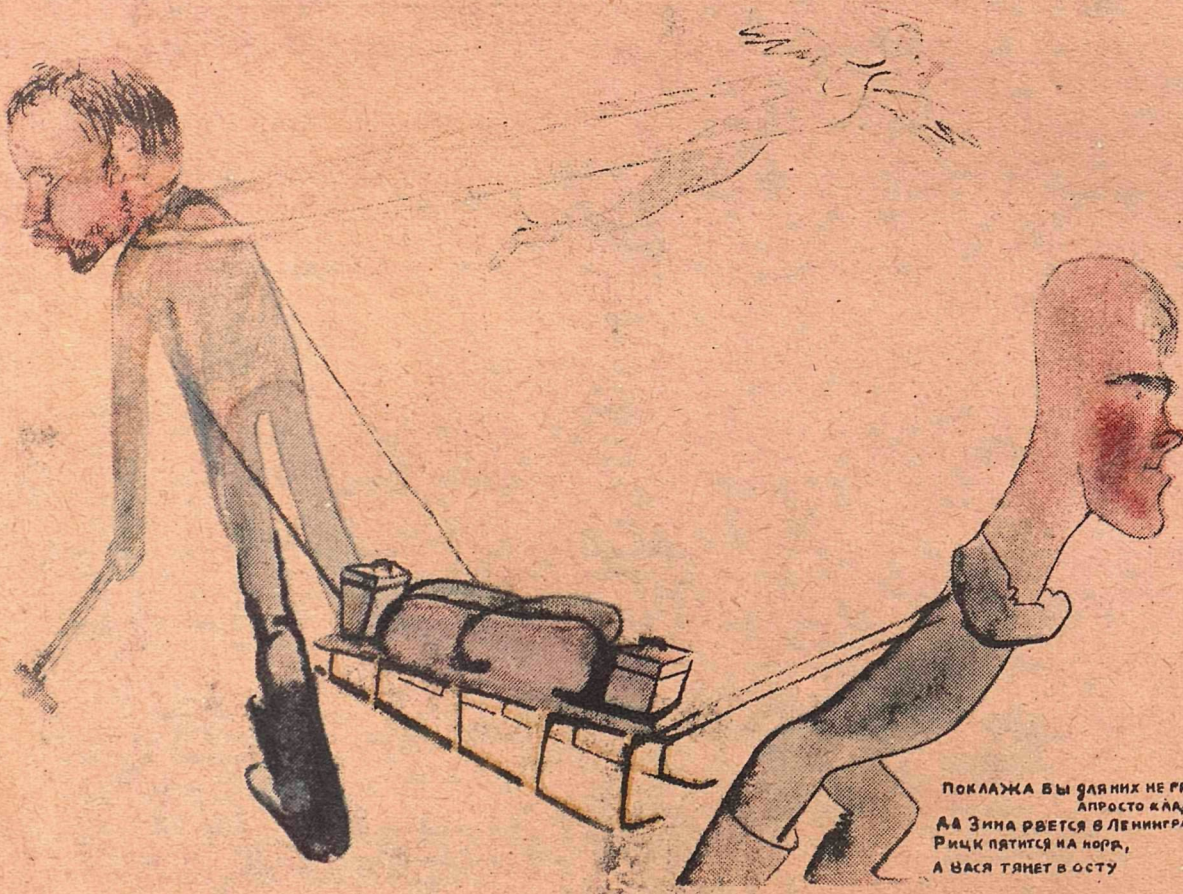
ЛЕДОВИТЫЙ КРОКОДИЛ

Рисунки и текст художника - челюскинца Ф. РЕШЕТНИКОВА

Чета Комовых. РАЗРЕШИТЬ МАЯ ПРОБЛЕМУ
Лично и общественно.

Супруги Комовы планировали свою работу в метеорологической будке так: четыре часа дежурил он и четыре часа — она. Будка находилась далеко от корабля, и для встреч оставалось время только на полпути. В этом положении я их и зарисовал.

ПОКЛАЖА БЫ ДАЯНИХ НЕ ГРУЗ
А ПРОСТО «АД»
ДА ЗИНА РВЕТСЯ В ЛЕНИНГРАД
РЫЦК ПЯТИТСЯ НА НОРУ,
А ВАСЯ ТЯНЕТ В ОСТУ

Присутствовал я как-то при споре трех научных работников: Васильева и четы Рыук. Результат их спора виден из рисунка и подписи на нем.

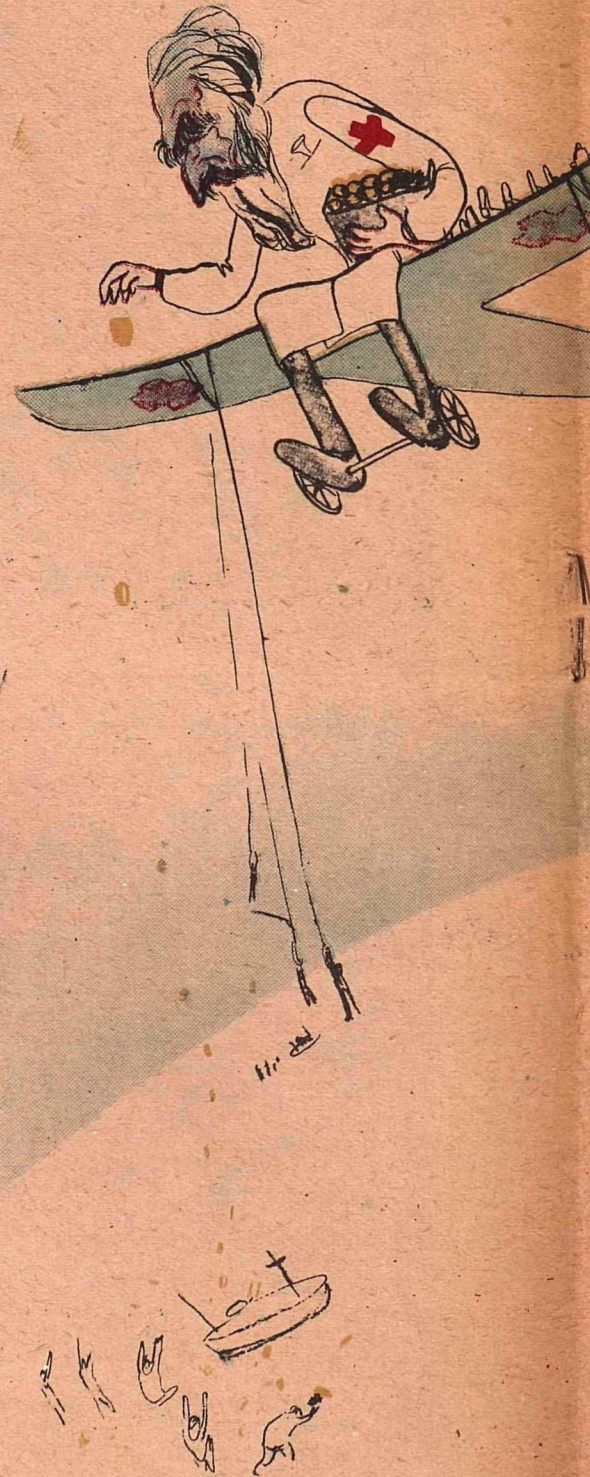
«КРОКОДИЛ»

«Ледовитый крокодил» появился на «Челюскине» в Балтийском море, где вышел первый номер. Вторым номером начали выпускать в Копенгагене. Я работал над ним вместе с Сельвинским. Потом я сломал руку, лежал целый месяц и снова приступил к работе уже в Ледовитом океане.

«Крокодил» выходил вплоть до того, как мы стали на зимовку. Затем мы решили выпускать литературно-художественный журнал. Он носил название «В дрейфе». В нем был сатирический уголок — «Моржовый отдел». В журнале крокодил уступил свои полномочия моржу как специалисту-полярнику, попрощав-

ФЕДЯ СКРО

«Ледовитый крокодил» вел большую воспитательную работу. Федя здесь скромничает, он ничего не говорит о действительности его карикатур. А его рисунки не только были дружескими и добродушными шаржами, но подчас довольно остро кололи, помогали исправлять недостатки и бороться за образцовую работу нашего коллектива. Работа «Крокодила» велась в плановом порядке. Он вел кампанию за культурный поход, за чистоту, зло продергивал тех, кто не хотел

По заданию правительства на т. Шм. большим с зимующих пароходов. У челю прекрасное противоцинготное средство. В. леты, находившиеся в этот момент на сев. вал по этому поводу дружеский шарж обделяет зимующие пароходы лимонами.

И „МОРЖ“

лись с челюскинцами до наступления теплых дней. Первый номер «Ледовитого крокодила» был разрезан и... положен в папку, которая хранилась у меня в каюте под кроватью. Эта папка во время аварии судна была выброшена в окно. Остальные газеты лежали в шкафу, там они и погибли вместе с «Челюскиным».

Журнал «В дрейфе» ходил по каютам, в каждой его читали, а во время аварии один из матросов сушил его вместе с другими вещами в мешок и спустил на льдину.

ФЕДОР РЕШЕТНИКОВ

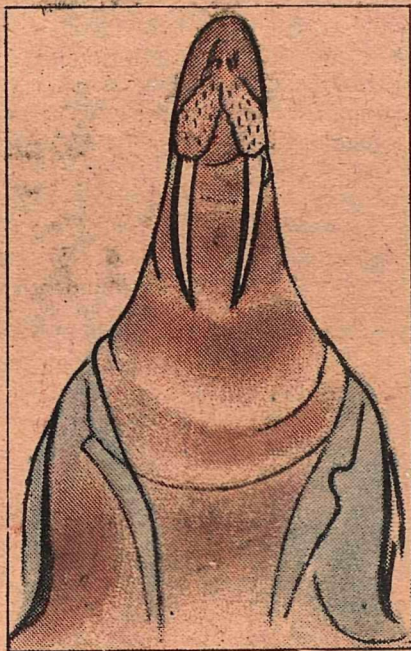
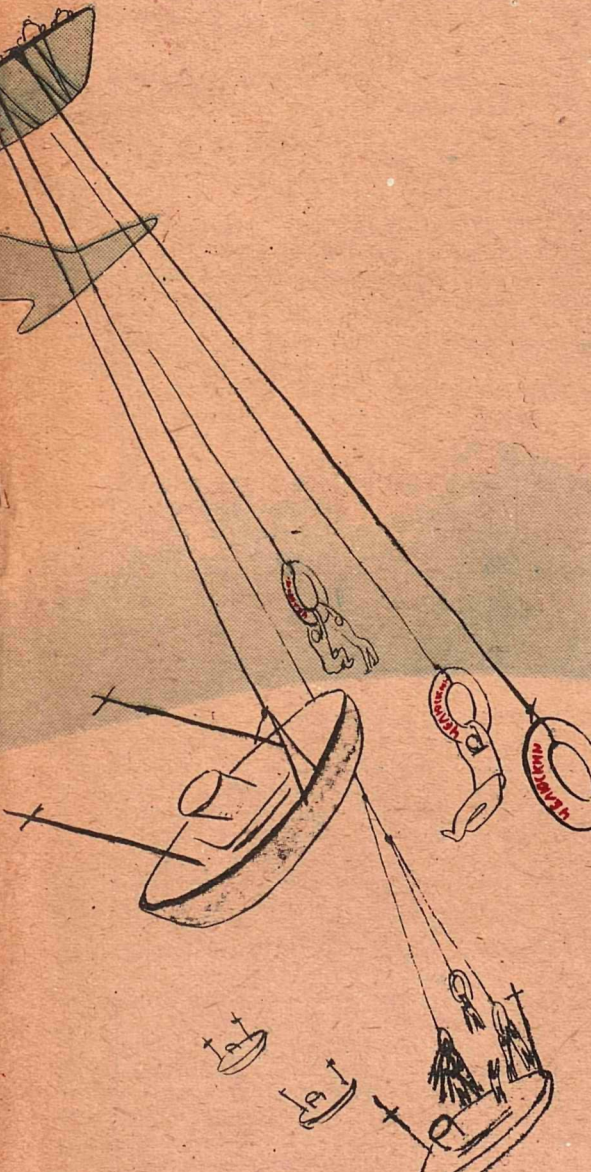
МНИЧАЕТ

учиться, ликвидировать свою неграмотность. Нечего греха таить, были у нас и «враги бутылки». Карикатуры Федя Решетникова крепко били любящих заливать за галстук. Сильно подействовал «Крокодил» на комсомольца Виноградова, он сам пришел ко мне, сознался, что «Крокодил» правильно критикует его, и действительно сам он изменился к лучшему. Это не единственный случай действительности «Крокодила».

А. БОБРОВ

Тов. Громов часто „угощал“ челюскинцев своим патефоном. Благодаря тому, что палатки не были капитальными, обитатели палаток могли наслаждаться ледовыми концертами, не выходя из „дому“. Это — карандашный набросок, сделанный мною на льдине. Красок у меня тогда не было.

„Дядя Митя приспособился к условиям Арктики“. Это шарж на одного из наших плотников. Товарищи утверждают, что здесь дядя Митя очень похож. Не мне судить. Я — автор.

Когда челюскинцы стояли в дрейфе, „Ледовитый крокодил“ родил в качестве своего преемника „Моржовый отдел“. Как вполне выдержанный полярник „Морж“ эти дела принял и энергично приступил к работе.

АИТ, БЕЧЕР НА ЧЕЛЮСКИНЕ (Левый угол)

Иногда было возложено оказание помощи челюскинцев для этой цели были лимоны — были предоставлены для этой цели самодере (Ляпидевского, Куханова). Я нарисовал Отто Юльевича, изобразив, как он

Поэт Илья Сельвинский пожелал „проверить на массах“ свое произведение „Рождение класса“. Выступавшие в прениях Комов, Буйко и другие „раскритиковали“ произведение поэта, который, обидевшись, стал ответно нападать на них за то, что они неправильно подходят к поэту. Я изобразил в этом рисунке, как Сельвинский отвечает своим оппонентам.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Дорогой Крокодил!

Не всякий остров необитаем. Наш Остров (Ленинградской области) очень даже обитаем, и в нем можно встретить и таких редких мужчин, как горсоветчики Морозов и Янченко. Неизвестно, чем провинилась перед ними «Образцовая школа им. Ленина». Быть может, тем, что у нее был водопровод. Это, конечно, не такое уже преступление для учебного заведения, но когда кому-то и на что-то понадобилась водопроводная труба, ее просто взяли у школы по распоряжению Морозова. Теперь, стоило только закончиться водопроводному налету, потребовалось кровельное железо для бани. Быстро возникшая и замершая дискуссия о том, что важнее: баня или школа, закончилась полной победой бани. По распоряжению Янченко, с одной из школьных пристроек снято железо и передано бане. Мы знаем, что это не факт мирового значения, но из-за того, что сорвано железо с крыши, погибает торф, собранный колоссальными трудами для школьного отопления зимой. Мы не взываем ни к мести, ни к сочувствию,

ни к проклятиям на головы горсоветчиков, — мы только просим: спасите школу от налетов и дайте возможность ребятам учиться...

Крокодил, помоги!

ПЕДАГОГ.

Остров, Ленингр. обл.

ОТ РЕДАКЦИИ: Редакция к этому может добавить, что факт снятия с крыши школьного здания железа для бани отмечен и местной печатью.

Дорогой Крокодил!

Если ты думаешь, что рабочему для поездки на курорт нужны отпуск, путевка и плацкарта, — жестоко ошибаешься. Может быть, в других местах это и так, но у нас в Щепетильниковском трампарке (Москва) для отпуска необходима и особая удача. Отпуска у нас даются по жеребьевке, при чем и хозяйственники и профсоюзники умиленно смотрят, как лодыри получают отпуска раньше ударников: кто же запретит лодырю выгадать более счастливый номерок на июль, а ус-

тавшему за зиму ударнику на ноябрь? Теперь недостает еще, чтобы и зарплату выплачивали в скрученных бумажках из шапки: посчастливилось, — получай по высокой категории, не посчастливилось, — извини.

Не мешало бы еще пригласить шарманщика с попугаем, чтобы тот вытаскивал билетки на счастье и с предсказаниями, кто и когда поедет в отпуск.

О. НИКОЛАЕВ.

Москва.

Дорогой Крокодил!

Разреш, пожалуйста, один сложный государственно-правовой вопрос: можно ли один и тот же праздник праздновать два раза? Например, Первое мая праздновать 25 июня? Ты, конечно, скажешь: нет — и будешь не вполне прав. А вот Жигулевский леспромхоз разослал в начале июня всем учлеспромхозам телеграмму, в которой настоятельно рекомендовал не работать 6 июня, так как это день конституции. В некоторых местах так и сделали.

Теперь как поступить уже раз отдохнувшим, когда придет 6 июля — фактический день конституции? Вторично отдыхать или, наоборот, работать. Запроси об этом опытных юристов и ответь нам.

Редактор стенгазеты
С. МОЧАЛОВ.

Село Рождествено,
Самарского района.

Дорогой Крокодил!

У нас, в Толмачевском районе, есть районное управление милиции (РУМ), а перед РУМ — роцца, а в роцце — грачи. Грачи ничего себе не позволяют, а начальник РУМ сидит у себя в кабинете, открывает форточку и через нее стреляет в грачей из револьвера.

Вот и все.

Разве это хорошо, дорогой Крокодил!

Ученики Б. и К.

с. Толмачи,
Толмачевского р-на.

ОТ РЕДАКЦИИ: Милые дети! Дайте вашему начальнику РУМ прочесть эту заметку, и стрельба прекратится. Пороху у него нехватит.

Рис. Л. Бродаты

МЕРА ЗА МЕРУ

10 Судья: — Продавца Авксентьева за систематическое обвешивание и недодачу покупателям — к 3 годам лишения свободы.

ПОДСУДИМЫЙ: — Ничего не имел бы, чтобы судья мне тоже не додал.

Рис. А. Радакова

Нам неизвестно, существует ли где-нибудь научный институт, который занимается изучением и регистрацией наследий проклятого прошлого, а также борьбой с таковыми. Если существует, то пусть он отметит в числе прочих еще и такое наследие времен капитализма и царизма.

Это наследие живет не только у людей старого поколения, но и... Впрочем, лучше привести конкретный пример.

Мы приехали в рабочий клуб в качестве программы литературного вечера — критик-докладчик, поэт, прозаик и юморист.

Пока налаживался вечер, я, сидя за столиком в буфете, принялся наблюдать за добровольцем-капельдинером у входа в зал.

То был рабочий, парнишка лет девятнадцати, курносый и симпатичный. Он, с трудом побеждая природное добродушие, хмурил редкие брови. Повод для суровости был таков: его поставили на контроль, следовательно, он должен быть на высоте.

И надо сказать, что качество контроля он поднял на излишне недостижимую высоту.

— Куда? Ну, куда прешься? — рычал он на своих же собственных друзей и сотоварищей. — Давай поддайся назад...

— Зачем то-есть назад? Я же на вечер.

— Все на вечер! Успеешь еще. Давай поддайся. Порядку не знаешь!

Ловкий подросток, воспользовавшись этим спором, прошмыгнул было в зал. Не тут-то было, — ревностный охранитель обернулся и молниеносно ухватил ловкача за шиворот.

— Давай назад! — сказал он.

— Коля! Это ты мне?! — кокетливо спросила подошедшая девушка в цветном жемпере.

Коля опустил голову, в глазах его промелькнуло нечто мягкое и общегражданское. Это нечто было похоже на нежность. Оно промелькнуло и уступило место суровой морщинке меж бровями.

— А почему не тебе? Давай обожди!..

Кстати, вы заметили: с некоторых пор у нас повелительное наклонение от глагола «давать» приняло характер предвещения неприятности. Никто не говорит:

— Давай получи патефон!

Или:

— Давай я тебя поцелую!

Наоборот, это слово только и слышишь в таком сочетании:

— Давай плати штраф!

— Давай пойдем в отделение (милиции, конечно)!

И наш цербер-доброволец все свои предложения тоже начинал словом «давай».

Пока я рассуждаю о неприятном смысле слова «давай», ретивый Коля уже бьется сразу с шестью бывшими друзьями. Одной рукой он загородил дверь, другой молотит по скобе, за которую успел схватиться один из его противников.

— А ну, давай не ломиться! Давай прими руку! Давай прикрой дверь!

Несмотря на физическое напряжение, выступивший пот, несмотря на наигранную суровость, во всем его облике светится восторг. Да, именно восторг! Заметьте при этом: нужды в его деятельности почти нет, — в зал пускают без билетов, и вечер еще не начался, но наш доброволец уже в экстазе. Его глаза сияют. Он прекрасен. Движения быстры. Он ужасен. Он весь, как божья гроза...

Я тихо посмеиваюсь, глядя на эту «грозу». Рядом со мной сидит молодой завсегдатай клуба. Сообразив по моим взглядам, чему я смеюсь, он также начинает улыбаться. Я подбородком киваю на осатаневшего Колю, который, пытаясь, как дизель, коленом высаживает кого-то. Сосед мой безнадежно и понимающе машет рукой.

А Коля меж тем действует. Вот с того конца зала к охраняемой им двери бежит мальчишка лет четырнадцати. Мальчишка ничего не подозревает, а Коля уже приготовился его встретить: закусив губу, он выставил вперед правую ногу. Мальчишка добежал и — хлоп! — артистически сделанная подножка опрокидывает его на пол.

— Давай не бегать по фойю! — И не обращая внимания на стоны и проклятия, на хромоту мальчишка, Коля обращается к моему соседу:

— Пашка, постой за меня, мне надо в хоро- вой кружок на репетицию. Ладно?

— Валий, — отвечает мой сосед с поспешной готовностью. Он стирает с лица улыбку. Он мрачнеет, направляясь к двери. Неужели?.. Позвольте, только что он смеялся вместе со мной над поведением своего приятеля...

Все кончено. Паша вполне заменил Колю. Та же сосредоточенность, та же морщинка меж бровями. Тот же экстаз.

К дверям торопится кто-то из членов клуба. Паша, тщательно отмерив дистанцию, головой

ОНА: — „Пароход идет по Волге, Волга-матушка река“...

ОН: — Брось заливать!

бодает члена клуба аккурат в живот с завидной чисто козлиной техникой.

— Давай не стучи каблучками!

Восторг, полнокровный административный восторг играет на покрасневшем лице Паша.

Почему? Откуда? Ни Паша ни Коля не суть чиновники царского времени или новой формации.

Они молоды. Они не знают прошлого. И вот по- ди ж ты.

— Давай ходи на цыпочках!!

А нет ли действительно какого института, ко- торый занимался бы проблемами наследия про- клятого царизма?

В. АРДОВ

СТИХОПРОИЗВОДСТВО

Какой поэт не писал стихов о тракторе? Василию Каменскому тоже захотелось написать о тракторе («Сарынь на кичку!», Москва, 1933 г.). И вот что получилось:

Прежде
Не знали
Машин
Никогда.
Прежде работали руки во мгле.

Так —
Не так.
И так-то.

А ныне гремит по союзной земле
Трактор.
Трактор.
Трактор.

Трактор один
пашет пять десятин
в день,
в день,
в день.

Для таких стихов нужен хороший

Редактор.
Редактор.
Редактор.

Ибо стихи такого качества можно свободно писать по дюжине

В день.
В день.
В день.

НОТАРИУС С УЛИЦЫ САНТ-ОНОРЕ.

Рис. А. Топикова

— „Поговори хоть ты со мной, гитара семиструнная“.
 — Чудак! Обращаться к музтрестовскому инструменту с таким предложением! Спой лучше: „Молчите, проклятые струны!“

ТОРКВЕМАДА И ДРУГИЕ

Мы не знаем, ездят ли туристы в числе прочих городов в столицу Татарии — Казань. Если ездят, — хорошо. Там есть много интересного. Школы, больницы, университет. Если не ездят, — тоже хорошо. Даже еще лучше, если не ездят. Лучше потому, что туристы как люди мало опытные могут попасть на колхозный рынок и там, заглянув, чего доброго, в музей.

А музей тот — не простой. Музей — комбинированно-синтетический. В одной комнате — отдел социально-этнографический, в другой — патолого-анатомический. Кроме того, еще куча всяких экспонатов. И все за 75 копеек. Детям до 16 лет вход воспрещен. Открыто с 8 до 4. Называется этот универмаг науки: «Государственный передвижной музей № 1». Фирма — ГОМЭЦ.

Платите 75 копеек, оставляйте детей до 16 лет за калиточкой и смело входите.

И вот что скрывается там за закрытой дверью. Экспонаты представлены либо в виде восковых фигур, либо в виде художественных полотен. В полотнах «социальный», а в фигурах — «этнографический» отдел. В полотнах — основные, так сказать, поворотные моменты из области мировой истории вообще и революционного движения в частности.

Группы, а также одиночки посещающих музей колхозников обозревают по порядку: «Убийство президента Карно» — выцветшая олеография неизвестного происхождения, возможно приложение к «Ниве». Зловещее полотно.

Дальше: «Убийство социалистом женщины-фашистки на Фридрихштрассе» — загадочная картинка для всех. Сюжет заимствован явно из «Пещеры Лехтвейса»: социалист-убийца — в сюртуке и котелке, женщина-фашистка — в старомодном платье, но нельзя же в наше время подписать под картинкой: «Умри, несчастная», — промолвил граф...», «Кровь за кровь» и т. д. А поэтому сюжет чуть-чуть осовременен.

Затем следует небольшой, но веселый уголок

средневековья: «Торквемада — знаменитый инквизитор. Изобрел испанские пытки, которым и подвергал людей». «Пытки» — тут же неподалеку. Тщательно и любовно воспроизведены: «Испанский сапог», «Шпигованный заяц», «Вырезывание ремней», «Вырывание грудей» и другое. Во всех этих злодействах администрация музея, судя по надписям на экспонатах, обвиняет испанскую инквизицию. Но что такое инквизиция и почему она испанская, — этого ни колхозникам-посетителям ни пожалуй, самой администрации знать не дано.

Обширно представлен коллекцией восковых бюстов этнографический отдел. Обширно, хотя несколько однобоко. Три бюста изображают белорусса, украинца и русского в национальных костюмах. Затем идет «монгол — финн — эскимос». На этом народы СССР кончаются. Остальные полтора десятка бюстов предоставлены преимущественно народам экваториальной Африки, островам Фиджи и другим чернокожим.

Тут и страшные готтентоты с кольцом в ноздре, и тупоносые зулусы, и кудрявый папуас, и негритянка.

Заключает всю эту галерею представителей земного шара голова светловолосого молодого человека, переданного, очевидно, из второго экземпляра «монгола — финна» в нечто новое. Глаза его закрыты, а на лбу, там где у порядочных людей ничего, кроме морщин, не бывает, у головы снят зловещим блеском один единственный глаз. Под бюстом подпись «циклоп» и нахальные ссылки на «Одиссею» Гомера. Но колхозники про Гомера не читали, и, крикнув от изумления, скорей торопятся во вторую комнату, несущую скромное название «Познай самого себя».

Тут на дощечке под стеклом аккуратно разложены человеческие эмбрионы разных калибров. На плакатах красочно изображены раздутая печень, неправильные роды и зловещее «кесарево сечение».

Тут же, разумеется, показывают «самых маленьких в мире лилипутов», «самого большого велика-

на» и «сиамских близнецов» — двух братьев, сросшихся одним невеликим местом.

Осмотрев в заключение богатую коллекцию венерических заболеваний, сочно изображенных на плакате, а также в восковых слепках, сомлевшие от испуга посетители вываливаются из дверей музея на площадь, лишенную всех этих страхов, где нет «Торквемады», «Испанского сапога», одноглазого «циклопа» и безжалостных гонокков, выходят, радуясь солнечному дню и тому, что так сравнительно дешево отделались и что их дети еще не достигли 16 лет и могут пожить спокойно, не омрачая своей юности неуместной тягой к познанию самого себя.

Судя по надписи «Первый передвижной музей», нужно думать, что где-то разезжают по городам второй и третий, а может быть, и пятый научный аттракцион ГОМЭЦ. Быть может, первый представлен наиболее богато. В пятом за неимением «циклопа» показывают, вероятно, женщину-русалку или череп Наполеона.

А в годовых отчетах руководителя ГОМЭЦ, скромно потупив глаза, вероятно, сообщают: послано на периферию пять передвижных музеев, рисующих жизнь и быт народов СССР, а также борьбу с религией и еще также здравоохранение трудящихся. Посылку музеев засчитывают как достижение, и никто не подозревает, что за этой вывеской скрывается наглое, идиотское, вредное предприятие, что экспонаты музея скуплены по дешевке у бывших владельцев ярмарочных балаганов, новые же изготовлены безграмотными людьми, что подбор их бессмысленный, объяснения — невежественны.

Поглядите дальше своего носа, руководители ГОМЭЦ. Что творится за пределами вашего письменного стола? Познайте самих себя.

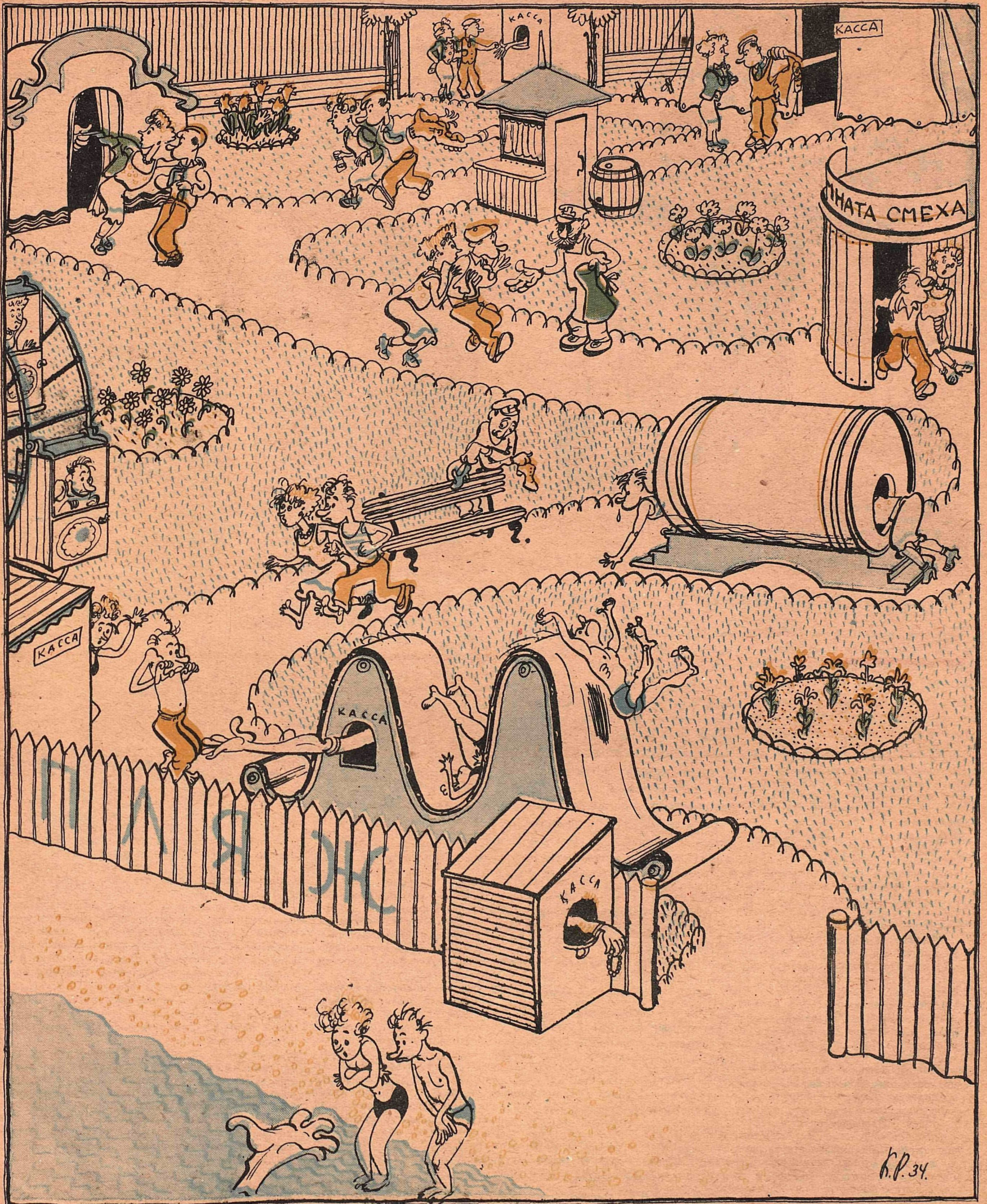
Не то вас познают другие. Хуже будет.

БОРИС КОВАЛЬ

КРОКОДИЛ ПРЕДЛАГАЕТ:

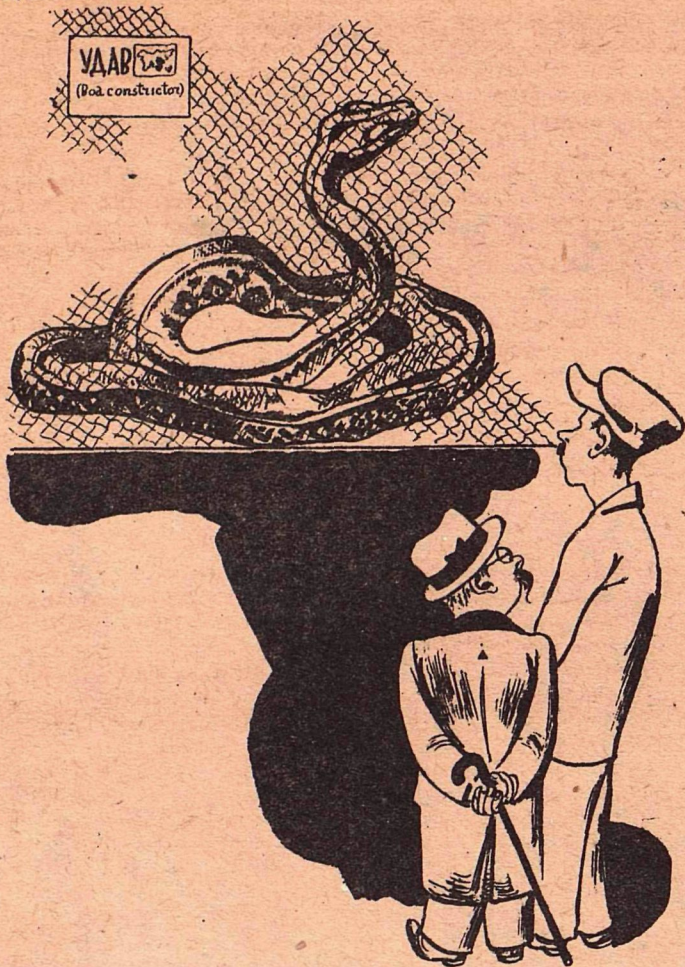
Руководители летних профсоюзных садов и площадок ведут лжехозрасчетную политику: вместо доступных трудящимся культурных аттракционов на площадках все поставлено на службу кассе и прибыли.

Рис. К. Ротова

— Товарищи администраторы! Давайте побольше веселых аттракционов для трудящихся, но поменьше таких, на которых написано: „Касса“!

Рис. М. Храпковского

— Правда, что удав ест один раз в месяц?
— А что удивительного: пока примут заказ, пока подадут — глядишь, и месяц прошел!

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Суворова уволили из мастерской за то, что он с пьяных глаз пришел к синей шевятовой жилетке коричневого грубошерстного рукава.

В городе ему как прогульщику устроиться не удалось. Суворов подумал и решил поехать в деревню.

— Мужики ниче богатые, — рассуждал он, сидя с приятелями в пивной, — они не знают, куда свои трудодни девать. Поеду, буду их обшивать.

Чокнувшись, вытирая жидкие слезы усики, он прибавил:

— А работа в деревне не трудная, мужик наш франтить не мастер. Что на слона шить, что на мужика — это одна юриспруденция!

С помощью знакомых он легко устроился на работу в один большой волжский колхоз. Приняли его там ласково, с почетом, дали чистое хорошее помещение и поставили в горницу большое городское зеркало.

Первые дни Суворов чувствовал себя в деревне плохо. Ходил гордый, одинокий и, иронически поглядывая на большое, тихое сельское небо, говорил колхозникам.

— Безусловно, всегда мне здесь жить — не модель. У вас, заметьте, даже паршивой пивнушки — и той нету. Интеллигентному человеку негде культурно провести вечерок.

Потом смирился и сел за работу. Первым пришел к Суворову с заказом знатный колхозный человек — Василий Иванович Щукин, в прошлом пастух. Пятьдесят трудных ве-

сен прожил на земле Василий Иванович, полевой бригадир, а костюм шил себе по вкусу первый раз.

— Требуется мне форсиная толстовочка, — суетливо объяснял он портному, — такая, понимаешь, чтобы карманов было побольше. А к ней обыкновенные серьезные штаны.

Через неделю бригадирская толстовка была готова. Шил Суворов без примерки, — не пожелал возиться.

Одев новый костюм, бригадир подошел к зеркалу. Он улыбался. Его прямо распирало от гордости.

— Теперь побреюсь — и хоть к девушкам в хоровод! — сказал он.

Минуты три бригадир молча стоял перед зеркалом, пристально и несколько испуганно вглядываясь в свое отражение. А в зеркале отражался пожилой бородатый человек в длинном до колен, нелепом, сильно суженном в груди одеянии, напоминавшем смиренную рубашку из запущенного сумасшедшего дома. Рукава свисали чуть не до полу, у брюк одна штанина была короче другой.

— Как куколку, вас облял, — обеспокоенно сказал портной, переходя на «вы». — Обратите внимание на толстовочку. Дерьнер крик Парижа. Одних карманов шесть штук.

— В грудях давит, — прошептал полузадушенный бригадир, — и штанина одна короче другой.

— Это она у вас просто задрата, — небрежно сказал Суворов и быстро присев на корточки, дернул

книзу короткую штанину так сильно, что клиент чуть было не упал.

— Ногу оторвешь, чорт, — грубо крикнул бригадир, совсем рассердившись. — Испортил ты мне товар, мастер — дырявые руки.

Портной с достоинством пожевал губами.

— Я графьям шил и медали от них имел.

— Графьям угождал, а зажиточному колхознику не сумел, — сказал бригадир и вышел, хлопнув дверью.

Неприятность с бригадиром была только началом в длинной цепи огорчений портного Суворова. Колхозники шили много, в заказах недостатка не было, но деревенские клиенты оказались ужасно придирчивыми и требовательными, в особенности колхозницы. Заказав портному демисезонное пальто, жена сельского кузнеца Аграфена Марковна ежедневно вечером приходила в портновскую избу и, встав в дверях, спрашивала ледяным голосом.

— Шьешь?

— Шью, — отвечал Суворов с раздражением, — иди себе, мамаша, не прохлаждайся.

— Ну, шей, шей. Ты, смотри, старайся, Суворов. Да гляди, чтобы по фасону было, по картинке. Не угодишь, — муж тебя через правление может, свободное дело, совсем из колхоза наладить.

Портной бесился: невидная деревенская бабенка, от нее коровой несет за версту, а какой тон! Тогда он с тоской и нежностью вспоминал о городской кооперативной мастерской. Там куда проще было работать. Эх, если бы не проклятая жилетка!

Однажды Суворова вызвали в правление колхоза. Он пришел мрачный, надменный, сел к столу председателя, не снимая шапки.

— Вот что, товарищ Суворов, — сказал председатель с цыганской черной бородой и смеющимися глазами, — будет у тебя шить костюм тракторист наш, Ванюшка Устинов. Это есть золотой тракторист, таких трактористов имеется не больше десятка на весь Советский союз. Его геройский портрет все газеты пропечатали. Он у нас женится, Ванюшка, и хочет при-

деться по всем статьям. Ты должен хорошенько постараться для него, товарищ Суворов. А инспектором по качеству правление приставляет к тебе кузнецову жинку, Аграфену Марковну. Она будет на всех Ванюшкиных примерках присутствовать и следить, чтобы у тебя какого ореха не вышло, как тогда со Щукиным, с Василием Ивановичем.

В тот же вечер портной жестоко напился. Вздохмаченный и страшный, он бродил по деревенским улицам, искал кузнециху и кричал:

— Кувалда! Землеройка! Что можешь ты понимать в портновском качестве?!

А отоспавшись, рано утром он вышел на крыльцо и почувствовал всем своим существом, что, пожалуй, из деревни ему теперь не уехать, что жена и дочь, наверное, уже выехали сюда из города и что надо работать хорошо, иначе пропадешь.

К первой примерке костюма для знаменитого тракториста он готовился с трепетом. Когда тракторист, белолюбый, желтоволоосый, веселый — жених! — одел скроенный пиджак с одним рукавом на булавках и Аграфена Марковна, суровый инспектор портновского качества, наклонив голову набок, стала всматриваться в покрой, портной почувствовал, как у него неприятно похолодели руки.

— Как будто спинка чуть морщит, — сказала Аграфена Марковна, щурясь.

Портной почтительно поправил ее. — Никак нет-с, не морщит. Это они ручку так держат. Опустите ручку, товарищ Устинов.

Уходя, Аграфена Марковна сказала:

— Орехов как будто не видать. Приходи завтра в гости, мастер, к вечеру. Чаем с медом угощу.

Портной шаркнул ногой и отвесил кузнецихе церемонный поклон.

— Мерси-с, приду-с. Супругу — почтение.

Захлопнув за клиентами дверь, он вздохнул с облегчением:

— Ну, слава тетереву, обошлось!..

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

НЕКСТАТИ О ВОРОБЬЯХ

Очень любопытную деталь одного из парадов на Красной площади подметил и описал в «Вечерней Москве» писатель Паустовский.

Хотя вы и не были на площади, но легко можете себе представить грохот от тяжелых танков, шестью рядами идущих по площади. Так вот, «грохоча гусеницами, шли тяжелые танки». Вдруг, откуда ни возьмись, «воробьи сели шумной стаей на площади». Не было печали, что называется... Танкист затаил дыхание — что делать? Как дать понять этим глупым, светлым пичужкам, что танк — это не детское серсо, очень свободно изувечит, а то и насмерть задавит ни в чем неповинную птичку?! В такой день! Нет, это невозможно! Надо что-то придумать...

«...Танкист, — пишет Паустовский, — дал воробьям короткий сигнал сиреной». Слава богу, парень нашелся... Нога судорожно соскользнула с газа на тормоз. «На секунду показалось, что он хочет затормозить машину, чтоб не раздавить этих драчливых гостей первомайского праздника». Драматическая секунда... Кто знает, может, задавить танком воробья считается у танкистов плохой приметой?

К счастью, все обошлось благополучно. Понграв на нервах тов. Паустовского и танкиста, воробьи во время сиялись и улетели, «и танкист, улыбаясь, повел танк мимо трибун, салютуя водителям».

У тов. Паустовского — как гора с плеч... Какая все же трепка нервов — смотреть на идущий танк для людей с такой чувствительной душой, как у тов. Паустовского! Представь, например, себе танк в чистом поле: кругом бабочки, жаворонки присаживаются, разные суслики, полевые мышки, зайцы топчутся... Они не понимают сурового голоса танковой сирены. Идет такая машина, грохоча гусеницами, а зайчик думает: вот, гусеница, и лапкой ее... Жутко даже подумать...

Гипсовая зеленая девушка с фиолетовой кошкой на руках уже отступила почти на всех фронтах. Не красуется она в магазинных витринах в качестве искусства для масс. Исчезают и розовые слоны, фиолетовые папушки с синими розами и лилозыми прическами и даже столь популярные стальные тарелки с утками и персиками. К великому удивлению организаций, производивших эти шедевры пластического искусства, их продукция не только не удовлетворяла самого скромного потребителя, но вызвала тревогу за умственные способности ее создателей.

Но гении товаропроводящей сети и не умирают и не сдаются. Они просто меняют оружие и на некоторых фронтах перешли от пластического искусства к графическому. Вот перед нами образцы графических шедевров, распространяемых Сталинградским КОКТ (краевое отделение культтоваров крайпотребсоюза). Пусть читатель сам догадается, какой элемент художественного наслаждения и бодрости эти шедевры должны внести в жизнь трудящихся.

Повидимому, по замыслу КОКТ этот искусно выполненный фотозюйд должен изображать затруднительное положение подрастающего поколения на Западе, которому приходится даже в быту подчиняться стеснительным условиям буржуазной моды (цилиндр). Значит, идеологически шедевр оправдан. Чего же еще надо?

Этот шедевр изображает незатейливого стиля гражданку, жующую розу, а также лося, внимательно присматривающегося к этому несложному процессу женской непосредственности. Актуального значения этот

образец культуры не имеет, но КОКТ предлагает подумать: не ушла ли изображенная гражданка в лес не для жевания дикорастущих, но также и с целью протестовать против мелкобуржуазности дачной жизни. Что касается лося, то он здесь только в порядке ландшафта. Постоят и уйдет. Лучшее заглавие для этого шедевра: «Флора и фауна гнилого Запада — на переломе». Не так ли, КОКТ?

Модель наиболее популярного типа девушки, вернувшейся с поля. Печаталась на открытках с 1857 года. Иллюстрирует, по замыслу КОКТ, отсталость сельского хозяйства в Швейцарии, на Балканах или где-нибудь еще. Отсутствие выражения во взгляде знаменует плохой обмен веществ, столь свойственный для девушек тех местностей. Будучи приколочен к стене, в квартире трудящегося, этот шедевр, по тихому замыслу работников товаропроводящей сети, должен вызывать восторг и подражание.

Остальных коктовских шедевров не приводим. Думаем, что и этих трех достаточно, чтобы в Сталинграде те, кому это надлежит, заинтересовались, какой культтовар считается ходким и рентабельным.

ЧЕТКАЯ ВНЕШНОСТЬ

Как можно определить год, месяц и число рождения неизвестного человека? Над этим сложным вопросом не мало бились астрологи, предсказатели и хироманты, и ничего у них путного не выходило. То число перепутают, то год.

Совершенно особыми способами и методами определяет время рождения Лучанский сельсовет (Харьковская область, Лохвицкий район). Способы эти оригинальны и безопасны.

Вот, например, какая справка была выдана в прошлом месяце гражданке Петренко:

„СПРАВКА

Выдана гр. Петренко Лиде Никитовне в том, что по книгам про год рождения ее за 1923 год в Лучанском с/совете нет. По наружному виду она родилась 23-го сентября 1923 года и имеет 11 лет.

Председатель с/сов. КАРАСЬ“.

Ни один иностранный писатель не может пожаловаться на гостеприимство, оказанное ему в СССР. Но мы против того, чтобы они появлялись у нас инкогнито, начинали свое посещение почему-то с города Николаева, да еще прикрываясь псевдонимами.

Тем не менее, такой факт нами обнаружен во всей его печальной очевидности.

Не предупредив никого, в городе Николаеве появился старик Вильям Шекспир, присвоив себе произведение писателя Корнейчука «Гибель эскадры», только что премированное на Всесоюзном конкурсе драматургов. Для того чтобы не быть голословными, приводим следующее объявление из николаевской газеты «Шлях индустриализации»:

Мисский театр. 2 червня
Гастролі Одеського театру Революції. Прем'єрал
В. ШЕКСПІР. Переклад П. Кулиша. **ЗАГИБІЛЬ ЕСКАДРИ.**

Нехорошо, Вильям! Пролетать на конкурс, пристроить пьесу в Николаеве — и все под чужой фамилией! Так маститые драматурги не поступают!

ИТОГО

Существует пословица: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Оказывается, что не только воспоминания, но и осмотр старого в некоторых местах угрожает, если и не потерей глаза, то, во всяком случае, весьма солидными экономическими неприятностями.

В Петергофе, около Ленинграда, сосредоточено много зданий, на которые не безынтересно посмотреть трудящимся. И вот сколько должна затратить семья из трех человек, если она хочет в выходной день осмотреть достопримечательности Петергофа:

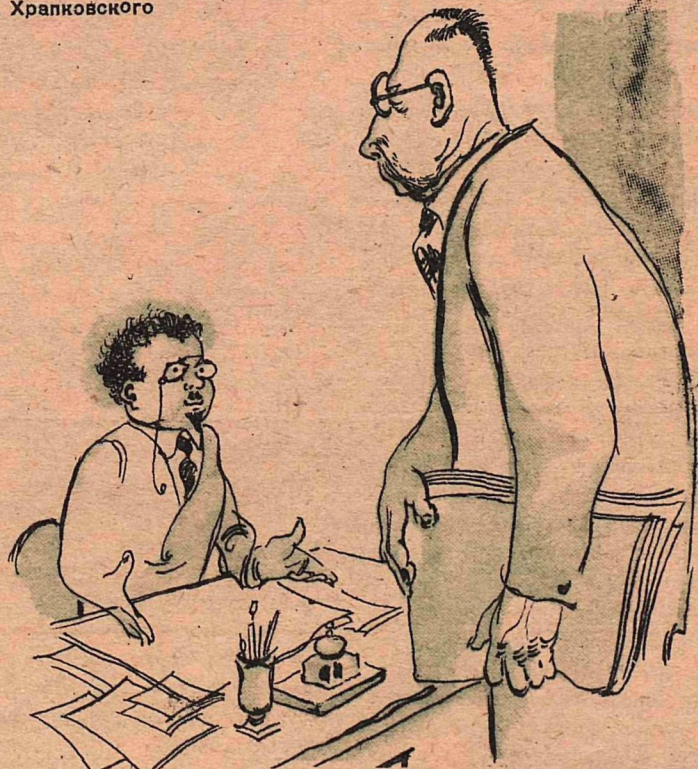
Проезд в Петергоф	6 р. —
Билеты за вход в парк	3 р. 60 к.
Осмотр Большого дворца	3 р. 45 к.
Флигеля	1 р. 95 к.
Домика Петра I	2 р. 35 к.
Екатерининского корпуса	3 р. —
«Марли»	2 р. 25 к.
Дачи Николая II	2 р. 25 к.
Коттеджа Николая I	2 р. 25 к.

Итого 27 р. 10 к.

Мы вполне понимаем, что в свое время и цари и их дворцы в достаточной степени дорого стоили трудящимся. Теперь спрашивается, — стоит ли сейчас делать из истории, да еще такой печальной, предмет пополнения чьих-то неудачных бюджетов?

ОБЫЧНОЕ ДЕЛО

Рис. М. Храпковского

— Имейте в виду, что мы вашу книгу уже седьмой раз переиздаем.

— Неужели такой успех?

— Нет, просто типография страницы перепутала.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—1 р. 20 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“.

Редакция: Л. ГИЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. РОВИНСКИЙ.

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 658.

Сдача текста и рисунков 22/VI-34 г.

Подпись к печати—1/VI-34 г.

Статформат А9—220×333

Печатных листов 2.

Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный. Главлита № В — 84500.

Филиал тип. газ. „Правда“ изд-ва ЦК ВКП(б), Москва, Суздальский вал, 49.

Зак. № 557.

Тираж 225.000

Формирование И. Кудрявцева. Журнал набран и составлен в типографии под руководством Г. Жидковича и В. Крылова. Редакция А. Федосеева. Заседующий печать, суд. Дроздовичев. Рисунки выполнены талантливыми сетками, изготовленными в НИИ ОГПСА.

20657

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЗРЕЛИЩЕ

Гессенский министр национал-социалист Юнг разрешил матерям, имеющим не меньше троих детей, бесплатно посещать театр раз в месяц.

Рис. Л. Генча

АРХИВ
7 ИЮЛ 1934
Г. Д. Д. Д.

— Не уходи, Эмма: сейчас на сцене ужинать будут!